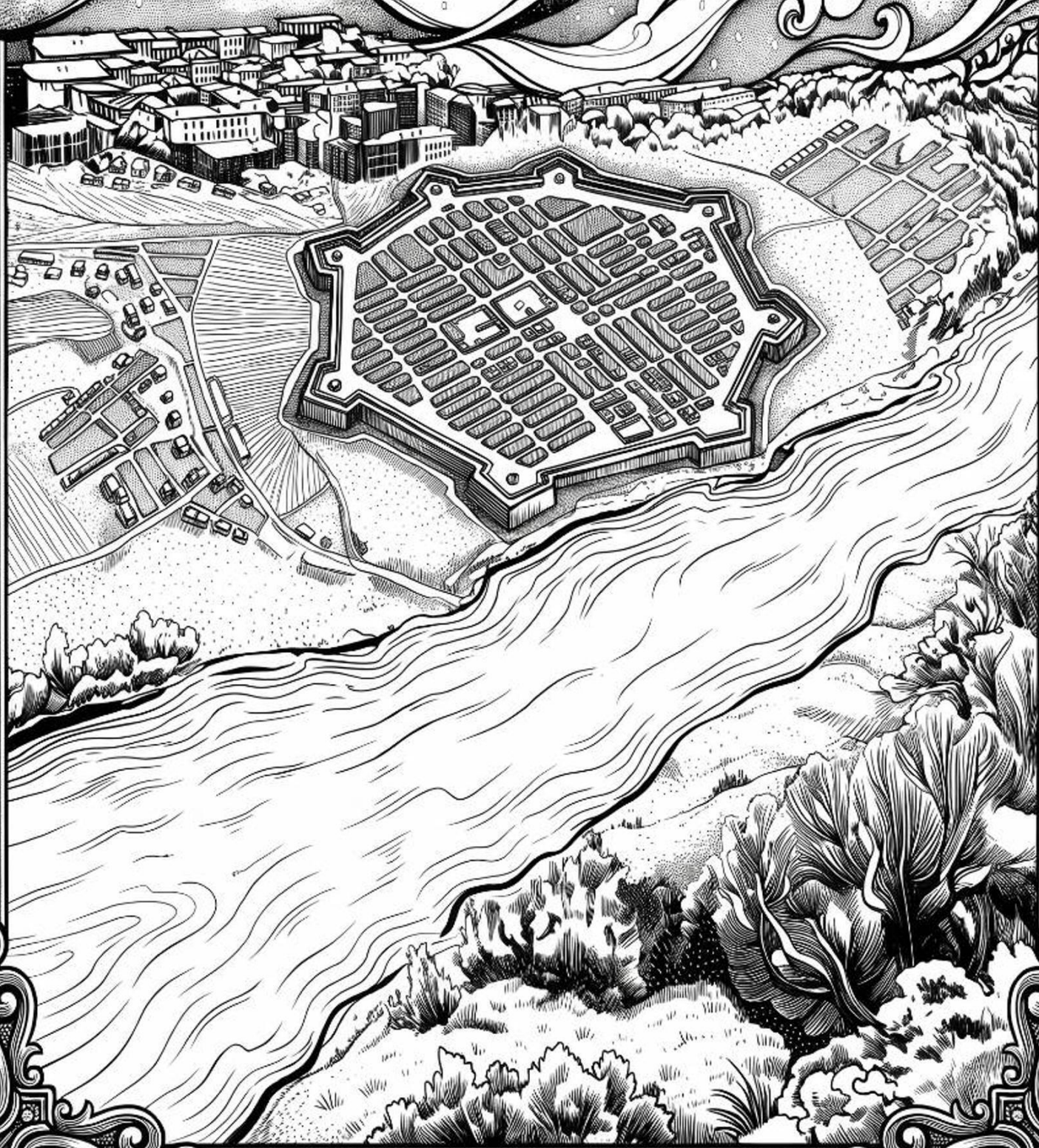

МОНСТР ВНУТРИ

Андрей Степин

Монстр внутри

«Автор»

2026

Степин А. И.

Монстр внутри / А. И. Степин — «Автор», 2026

Человеческая природа неотрывно связана с животным началом. В минуты отчаяния задушенная моралью и принципами сущность неизбежно вырывается наружу, и лишь немногие способны подавить ее. Совесть человека - отражение его страха перед общественным порицанием. Но будет ли она оставаться регулятором поведения, если осуждать действия станет попросту некому? Уверен, читателю будет занятно взглянуть на выживание в региональном городке, что оказался на острие чужих интересов. В тексте я постарался максимально точно воспроизвести географию улиц и районов, чтобы каждый смог через описания и иллюстрации побывать в мною горячо любимом Оренбурге.

© Степин А. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Глава I	7
Глава II	15
Глава III	21
Глава IV	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Степин

Монстр внутри

Предисловие

Конец света никогда не наступает вовремя. Он не приходит под героическую музыку и не оставляет времени на красивые прощальные слова. Когда в полдень двадцать четвертого сентября небо над Оренбургом расколол багровый трилистник, привычный мир просто оборвался на полуслове – вместе с шипением умолкнувших радиоприемников, грохотом рухнувших пролетов и пылью, забивающей ноздри.

За считанные недели степная столица на берегу Урала превратилась в ледяной склеп. Химический буран сковал улицы стужей, превратив застывшие троллейбусы в ледяные аквариумы с телами пассажиров, а старинные купеческие особняки, дворянские усадьбы и советские пятиэтажки в безмолвные памятники тем, кто еще вчера строил планы на осень. Жизнь ушла под землю: в вековые кирпичные своды николаевских арсеналов, винные погреба, дренажные коллекторы и церковные катакомбы, сплетенные под городом в единый темный лабиринт.

Но самое страшное оружие, сброшенное на обреченный город, убивало не ударной волной и не радиацией. Экспериментальный вирус ускоренного мутагенеза не желал смерти человека – он переписывал саму суть живой плоти, стирая границы между видами, сшивая человеческие сухожилия и кости с копошащейся во мраке падалью и превращая вчерашних соседей в хищников, ведомых лишь слепым, неутолимим голодом. Но хищник не рождается там, где ему нет подходящего индивида.

Эта книга не только и не столько о кошмаре, рыскающем в черной пурге между Парковым проспектом, Караван-Сараем и Гостиным двором. Она о другом, куда более древнем и опасном вирусе.

Когда гаснет свет, когда за железной дверью убежища кончается последняя банка тушенки, а мороз пробивает полуметровую кирпичную кладку, с человека слетает тонкая позолота цивилизации. И тогда каждый, кто оказался в каменной ловушке, остается один на один со своим главным врагом.

Где проходит та черта, за которой человек перестает быть тем, кого из него долго и упорно вылепляло общество? Можно ли сохранить в себе любовь, верность клятве и способность закрыть другого собственной грудью там, где сама природа требует выживания любой ценой?

Спускаясь под своды мертвого Оренбурга, помните: самые страшные чудовища не всегда прячутся во тьме за пределами луча вашего фонаря. Иногда они терпеливо ждут своего часа по ту сторону наших собственных ребер.

Часть I

Глава I

Во мраке промозглых, осклизлых от конденсата кирпичных стен полулежало-полусидело уродливое существо.

Воздух здесь не двигался месяцами. Он стоял густым, липким студнем, в котором сплелись удушливая вонь аммиака, застарелого крысиного помета и сладковатый, неистребимый запах разложения. Вдоль стен уходили в потолок трубы бывшей домовой котельной – толстые, обмотанные полуистлевшей стеклотканью, из-под которой ядовито топорщились ржавые свищи. Когда-то, в прошлой, невозможной жизни, они несли тепло в тридцать две квартиры типовой пятиэтажной «хрущевки» на Парковом проспекте, 8А. Теперь по серому бетону сочилась лишь бурая слизь, оставляя на полу лужицы, похожие на венозную кровь.

Существо шевельнулось. Пальцы – если эти узловатые, искривленные наросты еще можно было назвать пальцами, заканчивались длинными, загнутыми когтями цвета жженой кости. Оно поднесло кисть к глазам.

Под мутной, белесой пленкой кожи, лишенной пигмента, непрерывно перекачивались сотни мелких продолговатых бугров. Мышцы больше не принадлежали человеку. Под истонченным эпидермисом, прорастая сквозь сухожилия и фасции, жило нечто коллективное, жадное, непрерывно делящееся. На левом запястье, чуть выше вздутой синей вены, виднелся глубокий треугольный шрам, словно кто-то пытался насквозь прокусить ему ладонь.

Его звали Андреем. До того, как захлопнулась железная дверь «бомбоубежища». До того, как замолкло городское радио. До того, как пять стариков-соседей, парализованная женщина и двое потерявших себя пьянчуг спустились под свой дом. До всего этого Андрей знал, что ядерная война не пощадит никого.

До Катастрофы Андрею исполнилось шестнадцать. Он учился на втором курсе авто-транспортного колледжа на Постникова, гонял на стареньком отцовском мопеде «Карпаты» по набережной Урала, тайком курил «Чапмен» за гаражами и мечтал к осени накопить на подержанную семерку без вразумительных документов. Жизнь его была простой, понятной и предсказуемой.

В полдень двадцать четвертого сентября кирпич его фундамента раскололся надвое.

Когда по громкоговорителям на столбах взвыла сирена гражданской обороны, тем самым жутким, волнообразным стоном, от которого у дворовых собак перехватывало лай, Андрей был дома один. Мать ушла на работу в продуктовый магазин неподалеку на Рыбаковской, отец еще с утра крутил баранку рейсового ПАЗа на маршруте от вокзала до спального микрорайона «Мертвый». Парень успел лишь схватить со стола паспорт, банку маринованных огурцов и выскочить на лестничную площадку в одних спортивных штанах и дырявой майке.

В подвал первого подъезда (бывшую домовую котельную с чугунным твердотопливным котлом) набилось девять человек.

Кроме Андрея, здесь укрылись двое слесарей из ЖЭУ – дядя Толя и дед Паша, успевшие приволочь из мастерской две канистры технического гидролизного спирта; парализованная после инсульта женщина средних лет Анна из третьей квартиры, которую жильцы приволокли на ватном одеяле; интеллигентная пожилая чета учителей – Семен Иванович и Вера Петровна; и три одинокие старухи из того же первого подъезда, не расстававшиеся с иконами и сумками-тележками, которые, казалось бы, уже давно были снабжены всем необходимым для дальнего похода или непредвиденной поездки.

Через сорок минут после sireны земля дрогнула.

Это не было взрывом, какой показывают в боевиках. Это был удар колоссального подземного поршня. Бетонные плиты пола подпрыгнули на полметра, выбив фонтаны ржавой пыли из щелей. Потолок котельной взвизгнул, по монолитному перекрытию поползла трещина толщи-

ной в кулак, осыпав укрывшихся градом едкой извести. Сверху, из подъезда, донесся чудовищный рев схлопнувшегося воздуха. Ударная волна трилистника, взорвавшегося на высоте четырех километров над поймой реки, жилыми спальными районами и над заводом «Стрела», выбила все оконные рамы в доме и срезала крышу, превратив верхние этажи в пылающие факелы.

А затем наступила тьма.

Проводка лопнула, радиоприемник на верстаке зашипел белым шумом и навсегда умолк. Железная противопожарная дверь котельной оказалась завалена с наружной стороны обрушившимся лестничным пролетом.

Они оказались в каменной ловушке шесть на восемь метров.

//

Первые четыре недели прошли в лихорадочном, пьяном полубреду.

Слесари пили спирт, разбавляя его теплой ржавой жижей из расширительного бака котла. Дядя Толя – пятидесятилетний мужик с испытанным сизым лицом – после каждого стакана падал на колени в угол под трубами отопления и ревел белугой, колотя кулаками в стену: «Вальку завалило... Вальку мою точно раздавило!» Дед Паша вторил ему хриплым матом, подливая спирт в консервные банки, найденные здесь же в древних как сам дом кучах мусора.

Старухи молились.

Они зажгли три церковные свечи, прилепленные к ржавому кожуху бойлера, и читали акафисты Богородице по памяти. Голоса их сливались в бесконечный, тягучий вой, похожий на погребальное завывание метели. В этих молитвах не было смирения, в них клекотал первобытный, шкурный ужас брошенных на скотобойне животных. Они истово крестили потрескавшийся потолок, умоляя Господа вернуть им все как было, чтобы не было наказания, и Геенна огненная не страшила так скоро и так жестоко несчастный мир, чтобы начавшееся безумие обязательно прекратилось, наверху оказалось спокойно и безопасно и через два-три дня их откопали и нашли под завалами этой рукотворной могилы.

Еда пока была. Воду, пусть и нестерпимо воняющую металлом, тоже можно было достать.

У Семена Ивановича нашлось полмешка сухарей из белого батона, на верстаке слесарей стояли банки со свиной тушенкой и соленым салом. Видимо, они спускались сюда, чтобы «отдохнуть» в часы работы. Пищу старались делить поровну, и Андрей, как самый молодой и крепкий, лично нарезал сало лезвием канцелярского ножа, чувствуя на своих руках голодные, хищные взгляды стариков.

Но к исходу четвертой недели спирт иссяк. Как бы много его не было, но ненасытные пьянчуги вылакали все до последней капли.

В подвале повис тяжелый, гнилостный запах немытых тел, застарелой мочи из ведра в углу и сладковатого ацетона — едкого духа распадающегося спирта, шедшего от отравленных суррогатом слесарей.

//

К началу ноября мороз пробил полуметровый кирпич цоколя.

Сверху пришел холод. Радиаторы отопления, в которых еще оставалась техническая вода, затрещали, разрываясь чугунными осколками: температура внутри котельной упала до минус десяти, а к концу недели до минус двадцати пяти. Стены покрылись толстой шубой белого куржака, дыхание вылетало изо рта густыми клубами пара, замерзавшими на воротниках **колючей ледяной коркой..**

Трубы водопровода перемерзли намертво. Чтобы добыть воду, Андрею приходилось скрести ножом иней со стен или долбить зубилом лед в разорванных регистрах. Вода была бурой, горькой от окалины и химических присадок, от нее невыносимо ломило зубы и сводило кишки резами.

Тогда слесари решили пробиваться наверх.

Жажда и нарастающий абстинентный синдром лишили дядю Толю последних остатков осторожности. Обмотав лица полотенцами и вооружившись тяжелыми пожарными ломami, они с дедом Пашей три дня долбили рухнувшие ступени за приоткрытой дверью котельной, пока не расчистили в завале узкий лаз наверх, позволив стальной створке свободно отходить внутрь. Андрей упорно не хотел им помогать. Пусть попробуют пробиться, ему силы еще пригодятся. Он не раз видел голодные взгляды, направленные на него, а когда у мужиков закончился спирт – **они** начали превращаться в неконтролируемых нелюдей.

— Мы до магазина метнемся... Через дорогу Паркового, — дышал спиртовым перегаром дядя Толя, глядя сквозь щель в пробитом лазе на белую пелену метели. — Там продуктовый есть... Водки принесем, тушняка армейского. Андрей, ты с нами пойдешь? — Осунувшееся синюшнее лицо с презрением посмотрело на юношу.

— Нет. Идите без меня. Я пока себя плохо чувствую, — пробубнил про себя Андрей и, отвернувшись от пробитого наверх прохода, укутался в едва согревающую одежду.

Они ушли в непроглядный буран.

Андрей стоял у пролома, вдыхая ледяной воздух поверхности. Воздух этот не был морозным в привычном смысле – он отдавал паленым пенопластом, жженой медью и странным, металлическим привкусом, от которого язык немел за десять секунд.

Через два часа из метели донесся крик.

Это не был человеческий голос. Это был истошный, захлебывающийся визг существа, которому живьем, кусок за куском, ломали кости. Крик длился не больше минуты, оборвавшись влажным, хлюпающим хрустом.

А еще через час к пролому в двери котельной кто-то приполз.

Андрей приник к щели с монтировкой в дрожащих руках.

На мерзлых ступенях приямка лежал дед Паша. Без ватника, в разорванной до мяса тельняшке. Нижняя челюсть мужчины была оторвана начисто, вместо лица чернела кровавая воронка, а ноги... обе ноги были обглоданы до белых берцовых костей, словно их пропустили через промышленную мясорубку. Он не мог говорить – он лишь царапал окровавленными обрубками пальцев ледяные ступени, пытаясь затолкнуть свое изуродованное тело обратно в тепло подвала. И было совершенно непонятно как он еще оставался живым с такими ранами...

Сзади, во тьме снежного вихря, мелькнула серая, длинная тень на четырех конечностях с горящими фосфором глазами.

Андрей вскрикнул от дикого, парализующего ужаса, навалился плечом на железную дверь, забил засов обухом топора и подпер створку чугунной задвижкой весом в четыре пуда. Юноша не стал обращать внимание на просящее сипение деда Паши, на его судорожные удары по стремительно закрывающейся двери. Ужас и страх смерти был сильнее человечности.

Слесарей больше нет.

В котельной осталось семь человек: шестнадцатилетний подросток, парализованная средних лет Анна и пять выживших из ума, умирающих от цинги, недоедания и перманентного холода стариков

//

Еда кончилась шестнадцатого ноября. И этот день стал знаковым для стремительно дуреющего Андрея.

Сначала съели кожаные ремни. Их варили в цинковом ведре на костре из расщепленных деревянных поддонов по шесть часов, сдирая зубами склизкую, вонючую желатиновую массу. Затем в ход пошли стельки из сапог, сухие горчичники и остатки технического вазелина с полук слесарки.

Голод изменил зрение Андрея.

Мир потерял полутона, распавшись на две категории: то, что можно разжевать и проглотить, и то, что сопротивляется зубам. В углах котельной ему непрерывно чудились запахи:

жареный лук, горячий пшеничный хлеб из пекарни близ школы, мамины котлеты с чесноком. Живот скручивало спазмами такой силы, что парень часами лежал на полу, прижав колени к подбородку и закусив до крови край рукава олимпийки, чтобы не выть.

А рядом умирали люди.

Первой затихла парализованная Анна.

Она лежала на своем ватном матрасе под слоем инея, маленькая, высохшая, похожая на мумию древней птицы. Андрей подошел к ней утром проверить пульс. Пульса не было – сонная артерия под пергаментной кожей застыла ледяным жгутом, сердце в груди уже не билось.

Но рядом с ее головой, под засаленной перьевой подушкой, Андрей заметил темный уголок.

Он протянул руку. Пальцы нащупали сухую, окаменевшую горбушку ржаного подового хлеба – заначку, которую парализованная берегла под щекой все эти недели, боясь признаться соседям. В юноше зажглась ненависть.

Андрей замер.

В полумраке котельной на него смотрели четыре пары глаз. Семен Иванович и старухи сидели у остывшего котла, завернутые в тряпье, и в их расширенных, голодных зрачках вспыхнул тот самый безумный огонь, который парень видел у тварей на поверхности.

— Отдай... — прошамкала беззубым ртом баба Шура с третьего этажа, поднимаясь на четвереньки. Ее пальцы, скрюченные артритом, тянулись к хлебу. — Отдай, щенок... По-христиански поделить надо... По крошке...

Андрей не стал делить.

Он не помнил, как это произошло. Внутри него словно лопнула пружина, державшая на привязи человеческое воспитание, заповеди, память об уроках литературы и материнских наставлениях. В нем была задушена совесть.

Он с рычанием оскалил зубы, прижал горбушку к груди и с размаху ударил приближающуюся старуху ногой в лицо.

Женщина отлетела на кирпичный угол топки, глухо охнула и затихла. Андрей забился в самый узкий тупик за котлом, давясь сухими, твердыми как камень крошками, раздирая десны в кровь, жадно глотая непережеванные куски, чувствуя, как пищевод царапает сухая ржаная кость.

Он сожрал хлеб один. До последней пылинки.

В тот вечер человеческое в нем сделало первый шаг в могилу.

Через три дня Семен Иванович и Вера Петровна вскрыли себе вены.

Учителя сделали все тихо, с той же интеллигентной аккуратностью, с какой из года в год старались воспитывать в подрастающих поколениях любовь к плодам человеческой культуры. Они легли рядом на широком верстаке и укрылись одним старым драповым пальто. Семен Иванович, до последнего сохранивший твердую руку, заточенным обломком ножовочного полотна бережно и глубоко рассек лучевую артерию на запястье жены, а следом — на своей собственной левой руке, опустив обе их ладони в подставленный эмалированный таз, чтобы даже смертью не пачкать пол.

Когда утром Андрей подошел к верстаку, кровь в тазу уже замерзла, превратившись в блестящий темно-рубиновый лед.

На груди Семена Ивановича лежала записка, прижатая огарком свечи. На тетрадном листке в линейку слабеющей рукой было выведено:

«Да будет этот новый мир ласков к своим детям. Пусть все выживут и смогут вернуться к нормальной жизни».

Андрей стоял над мертвыми учителями два часа.

Мороз выстудил подвал до минус двадцати двух. Желудок парня переваривал сам себя – слизистая оболочка истончилась, его рвало бурой желудочной слизью пополам с кровью.

Перед глазами плыли цветные круги. Тело требовало белка. Тело требовало аминокислот. Тело требовало мяса.

Он взял со слесарного стола тяжелый разделочный нож с наборной ручкой из текстолита.

Он не плакал. В его глазах больше не было слез – протоки перемерзли.

Он подошел к телу Веры Петровны, откинул полу пальто и сделал первый надрез на бедре замерзшей женщины. Мясо было плотным, волокнистым, бордово-серым, похожим на мерзлую говядину из магазинной морозилки.

Он вгрызся в него зубами, жадно отдирая тянущиеся на морозе жилы.

Отрезал тонкими прозрачными ломтиками, строганиной, согревал во рту дыханием, пока волокна не начинали таять, отдавая сладковатым металлическим вкусом сырой крови, и глотал, не жуя.

С каждым проглоченным куском внутри него что-то умирало. Тихо, без крика, рвались невидимые нити, связывавшие его с родом человеческим. Совесть, мораль, цивилизация – все это оказалось хрупкой пленкой, которую первобытный голод содрал с живого подростка за считанные секунды.

Остальные три старухи умерли в течение недели.

Андрей не стал дожидаться, пока они замерзнут окончательно. Он привязал их окочевшие тела стальной проволокой к трубам отопления вдоль дальней стены – так мясо дольше сохранялось на вечной мерзлоте подвала, не соприкасаясь с влажным полом.

К началу декабря он остался в склепе один.

Один среди семи обглоданных до белых ребер скелетов, висевших вдоль труб, словно туши в мясном ряду центрального рынка.

//

Мясо кончилось к концу февраля.

Остались только крупные трубчатые кости, которые Андрей раскалывал кувалдой, высасывая мерзлый серый костный мозг. Но и кости были истощены. Голод юноши был неуголимым. Слишком долго он ждал возможности насытиться сполна.

Шестнадцатилетний парень превратился в живой скелет, обтянутый желтой, шелушащейся пергаментной кожей: слишком мало проку было в том немногом, что он смог выдрать из-под кожи сухих стариков и высосать из их хрупких, ломких костей. Волосы на его голове вылезли ключьями от цинги, десны почернели, зубы шатались в лунках. Он больше не мог вставать на ноги: дистрофия сожгла мышечную массу бедер, колени распухли суставами размером с кулак.

Он забился в самый глухой угол – в тесную лазушку между кирпичной кладкой котла и стеной котельной, укрывшись четырьмя слоями полустгнивших войлочных матов.

Он ждал смерти.

Смерть должна была прийти тихо, во сне, когда температура тела упадет ниже тридцати градусов, а сердце сделает последний редкий толчок. Андрей закрыл глаза, слушая, как свистит ветер в вентиляционной трубе над потолком.

И в этот миг он услышал шелест.

Звук шел из разрушенного вентиляционного коллектора, соединявшего котельную с ливневой канализацией проспекта.

Это не был шорох одиночной мыши.

Сквозь щели в кирпиче в подвал вливался поток. Сотни, тысячи крошечных когтистых лапок скребли по оцинкованному железу воздуховодов. Звук нарастал, превращаясь в сплошную, шуршащий гул, похожий на шум приливной волны.

В котельную хлынули крысы.

Они не были обычными серыми пасюками довоенных свалок.

Враг ударил по Оренбургу не обычной ядерной бомбой, разрушающей все на своем пути силой ударной волны и радиоактивного отравления. Яд, распыленный в атмосфере города, нашел в грызунах идеального первичного резервуара. Мутация не убила крыс, она объединила их. Их черная шерсть приобрела металлический, свинцовый отлив, резцы вытянулись на два сантиметра, превратившись в бритвенно-острые костяные **долота**, а в глубине круглых черных глазниц горел зловещий, фосфоресцирующий багровый огонь.

Колония двигалась как единый макроорганизм.

Они текли по полу живым ковром, перекатывались через обглоданные человеческие скелеты у стен, заполняя пространство котельной шевелящейся, теплой, дышащей массой.

Андрей попытался шевельнуться, поднять руку, но мышцы отказали. Он лежал на спине, глядя, как серый вал накатывает на его топчан.

«Сейчас сожрут... — мелькнула последняя мысль, лишенная страха. — Глаза выключот... горло перекусят... Ну и пусть. Быстрее бы».

Но крысы не стали его жрать.

Передовой самец, огромная тварь размером с кошку, с изуродованной шрамами мордой, вскарабкался парню на грудь. Его холодные лапки уперлись в ключицы Андрея. Зверь приблизился к самому лицу умирающего подростка, принялся к его гнилостному дыханию и медленно, с хирургической точностью опустил морду к его левой руке.

ХРУСЬ!

Зубы твари пробили кожу на левом запястье, прямо над лучевой артерией.

Боль была странной – не острой, а тягучей, жгучей, словно под кожу ввели струю расплавленного свинца. Андрей застонал, попытался отдернуть руку, но самец не отпускал.

Из раны на запястье хлынула темная, густая венозная кровь.

В ту же секунду крысиная стая пришла в безумное движение. Они не стали рвать тело на части, они облепили его руки, ноги, торс, прижимаясь своими горячими, пульсирующими телами к ледяной коже парня. Их температура была под сорок градусов: тысячи живых печек обняли умирающего подростка, согревая его замерзающую кровь своим теплом.

А через рану на запястье в кровеносное русло Андрея вошел вирус.

Страшный по своей природе вирус наконец-то встретил идеальные условия. Человеческий организм, лишенный иммунитета, истощенный голодом, потерявший волю и решимость бороться, не стал сопротивляться.

Вирус взломал геном за девяносто шесть часов.

Начался мутагенез.

Андрей провалился в огненный, бредовый кошмар, длившийся недели. Он не помнил дней и ночей. Он чувствовал, как его кости плавятся, удлиняются, обрастая новым надкостничным слоем; как сухожилия лопаются и срываются вновь, переплетаясь с мышечными волокнами грызунов; как нервные окончания его спинного мозга прорастают сквозь поры эпидермиса, соединяясь с рецепторами сотен крыс, облепивших его тело.

Крысы кормили своего нового бога.

Они рыскали по верхним этажам замерзшего дома, по подвалам соседних строений, притаскивали в котельную падаль, куски замерзшего собачьего мяса, вороньи тушки, полусгнившую крупу. Они заталкивали эту пищу прямо в его расщепляющийся рот, заставляя глотать, поддерживая в теле бешеный, чудовищный метаболизм ускоренной мутации.

Он перестал быть Андреем.

Он стал Ульем. Центром колониального разума. Существом, чьи мышцы состояли из живых, переплетенных крысиных тел, чья кожа была свалывшейся бурой шкурой, а мозг сжался до одной-единственной лимбической доминанты – жажды теплого влажного мяса.

Когда в первую весну после падения ракет он впервые открыл свои новые, мутно-белые глаза с горизонтальными зрачками хищника, человеческого в нем не осталось ни на атом.

Наконец-то он сможет вдоволь насытиться.

Остался лишь голод.

Остался лишь зверь.

//

Существо в очередной раз выбиралось из своего убежища. Город за порогом подвала встретил зверя ударом ледяного **шквала**.

Дома стояли мертвыми монолитами, превратившись в памятники собственным жильцам. Фасады вдоль Паркового проспекта облупились, балконы свисали рваными бетонными языками, витрины первых этажей ошетинились ледяными клыками.

На перекрестке с улицей Рыбаковской застыл накренившийся троллейбус седьмого маршрута. Его штанги беспомощно задрались к оборванным проводам, а салон превратился в аквариум из сизого льда, сквозь который смутно темнели скрюченные силуэты тех, кто пытался уехать домой двадцать восемь месяцев назад.

Буря выла на ультразвуковых нотах. Черный снег, перемешанный с токсичной сажой и радиоактивным шлаком, сек по бурой шкуре зверя, но Андрей почти не чувствовал холода. Кровь в его жилах была густой, насыщенной химическими антифризами мутировавшего симбионта.

Он двигался мягко, пружинисто, периодически припадая на передние конечности. Пальцы взрезали ледяной наст без скрипа. Движения казались ломаными и чужими, словно кукловод наверху дергал за десятки невидимых лесок, координируя работу сотен крошечных мышц в едином теле.

Запах. Терпкий, сладковатый, пахнувший живым человеческим белком и ружейной смазкой, манил его вперед.

Зверь замер посреди широкого полотна Паркового проспекта. Уши, заросшие жесткой щетиной, нервно дернулись.

Опасность. Кто-то смотрел на него. Смотрел тяжело, через оптику, с высоты.

Зверь не успел прыгнуть.

Грохот выстрела разорвал вой пурги!

Жгучая, нечеловеческая боль распоролла брюхо. Пуля тяжелого винтовочного патрона 7,62×54 пробила кожу, разорвала сплетение внутренних тканей и вырвала с обратной стороны ком шерсти вперемишку с брызгами густой, почти черной жижи.

Визг! Из разорванного живота существа донесся нечеловеческий, многоголосый крысиный писк.

«Андрей» взвыл, сгреб когтями снег и, крутанувшись на месте, метнулся вправо – мимо скелетов тополей, через сугробы, прочь с простреливаемой осевой линии проспекта. Следом щелкнула вторая пуля, выбив фонтанчик ледяной крошки из мерзлого бордюра.

Бежать. В частный сектор. На Ренду.

Туда, где кривые, засыпанные трехметровым снегом переулки петляют меж вековых деревянных домишек, где каменные заборы и проваленные погреба дают шанс скрыться от зрячего стрелка. Кровь капала на наст, но она не была горячей. Из раны на бегу вываливались раздавленные пулей черные тушки крыс, но оставшиеся внутри сотни мелких тел яростно сшивали ткани, не давая зверю потерять сознание.

Боль затуманила остатки рассудка, и сквозь пробитый черепной панцирь вдруг хлынули чужие, далекие воспоминания.

Улица Постникова. Жаркий май. Запах цветущей сирени из парка «Тополя». Отец ведет его за руку, покупает эскимо на деревянной палочке в ларьке у кинотеатра «Космос». Мороженое тает, капает на белую футболку, отец смеется, треплет его по вихрам: «Ну ты и растяпа, Андрюха...»

Видение исчезло, смытое ледяным ударом метели.

Зверь захрипел. Он не понимал, откуда взялись эти образы. Но обоняние вело его само. Поворот на Чичерина. Дальше вниз, к Уралу, в промозглую утробу Нового переуллка, напрямик на Яицкую.

Здесь пахло не просто едой. Здесь пахло... им самим.

Запах брошенного дома, старой печной заслонки, сухих сосновых половиц и той неизбывной детской тоски, которая гнала мутанта через весь мертвый город вопреки логике выживания.

Дом номер 65 по улице Яицкой стоял, вросши в сугроб по самые наличники. Дверь сорвало с верхней петли, внутри клубилась тьма. И тут, новое, такое теплое и приятное видение сквозь морок круговерти, застилающей и режущей глаза.

«Запах свежееиспеченного пирога. Теплый летний погожий день. Он за столом и смотрит за тем, как его... кто это? Как она накладывает дымящиеся от сладости куски с щавелем: «Внучок, ты не глазей, кушай!».

Зверь протиснулся в проем. Пахло старым бельем, пылью и полынью. Сквозь полуразрушенную дранку перегородок он ввалился в спальню. В углу, под выцветшими советскими обоями с блеклыми ромашками, стояла панцирная кровать с горой свалевшихся подушек и ветхих шерстяных одеял.

В глазах твари полыхнуло безумие.

Там, на перине, ему почудилось тело. Мальчик. Десятилетний Андрей – чистый, живой, с румянцем на щеках, спящий безмятежным сном довоенного лета. Зверь шагнул к кровати, издавая утробное, молящее бульканье. Он хотел прижаться к нему, зарыться мордой в это чистое тепло, разорвать его, поглотить, чтобы снова стать целым, чтобы стереть эти когти, эту чесотку под шкурой, этот крысиный визг в собственных ушах!

Слепая пасть сомкнулась на краю подушки. Зубы рванули трухлявую ткань, выпуская наружу облако истлевшего гусяного пуха. Мутант захлебывался перьями, давился ветошью, чавкая и воя от бессильной ярости, воображая, что жрет... ненавистного и слабого себя?

— И... наконец-то достали, — раздался за спиной спокойный, глухой голос сквозь мембрану противогаза.

Грохот дробовика внутри кирпичной коробки спальни прозвучал подобно разорвавшейся гранате.

Тяжелая свинцовая картечь ударила зверю в затылок с полутора метров, разможив черепную коробку и швырнув мертвое тело лицом в разодранную перину.

Глава II

Юрий медленно опустил ствол укороченной «Сайги». Пороховой дым, горький и едкий, неохотно растворялся в морозном сквозняке разбитой комнаты.

Охотник шагнул вперед, носком тяжелого берца перевернул тушу на спину и включил подствольный фонарь.

— Ну и кого ты здесь вынюхивал, образина? Даже интересно посмотреть...

Луч света скользнул по развороченной постели. Никакого трупа, никакой заначенной добычи. Лишь комья слежавшейся шерсти, пыль да разорванная подушка, из которой мутным снегом торчал серый пух.

— Тыфу ты, — сплюнул Юрий через клапан дыхательного аппарата. — Труха тряпочная. С голодухи совсем мозгами поехал, подушки жрать начал. Бедолага. Хотя... попортил ты нам крови на складах изрядно. Охота есть охота.

В кармане разгрузки зашипел динамик портативной радиостанции:

— Юра! Как слыш... прием! Пурга глушит... прием!

Юрий щелкнул тангентой гарнитуры у воротника:

— Слышу посредственно, Вась. Я на Яицкой, шестьдесят пять. Цель уничтожена. Повторяю, Яицкая, шестьдесят пять. Жду тебя на точке. Конец связи.

Он убрал рацию и снова наклонился над зверем, желая рассмотреть странную рану на животе, куда пришелся первый снайперский выстрел с карниза Неплюевки. Но то, что произошло дальше, заставило успевшего стать за два года бывалым охотника отшатнуться, вскидывая оружие.

— Ты че... Издеваешься?!

Тело мутанта задрожало. Мелкой, противной, нарастающей вибрацией, словно мерзлый труп превратился в мешок с кипящей смолой. Черная кровь, натекая на половицы, не остывала на тридцатиградусном морозе. По ее маслянистой глади расходились концентрические круги. Шкура на боках твари вздулась пузырями, с треском лопнула, и из зияющей раны в брюшине, давясь и отталкивая друг друга, хлынули наружу крысы.

Они были черными, мокрыми от сукровицы, с крупными, лишенными шерсти ушами и неестественно длинными резцами. Десятки. Сотни. Они вываливались из мышечного каркаса зверя, как горох из распоротого мешка, а сама фигура поверженного монстра на глазах опадала, ссыхалась, превращаясь в бесформенную тряпку из пустой кожи и обглоданных изнутри костей.

Крысиный клубок распался на живые ручьи, заполнив пол комнаты. Красные бусины глаз синхронно повернулись в сторону человека. В воздухе повис яростный, ультразвуковой свист.

— Пошли вон! — гаркнул Юрий, стремительно пятясь спиной к выходу в сени.

Пальцы в толстых перчатках сорвали с левого подсумка бутылку темного стекла. Это была одна из драгоценных зажигательных смесей, приготовленных на складе: треть бензина Б-70, треть отработанного трансмиссионного масла и авиационный керосин для вязкости. Юрий чиркнул колесиком ветрозащитной бензиновой зажигалки. Пропитанная селитрой ветошь фитиля занялась с шипением, обдав пальцы жирным жаром.

В дверной проем спальни уже накатывал живой ковер из сотен визжащих морд.

— Жрите, твари! — крикнул Юрий и с размаху вогнал бутылку в центр комнаты.

Звон бьющегося стекла утонул в гулком хлопке взрыва. Огненный вал плеснул во все стороны, взметнулся по истлевшим драпировкам к потолку, мгновенно вгрызаясь в сухие сосновые балки столетнего дома. Комната превратилась в режущее жерло. Крысиный писк перешел в истошный, захлебывающийся визг — пламя пожирало кислород, обугливая серые тушки на лету.

Юрий вывалился через перекошенные сени во двор, прикрывая лицо локтем от волны жара. Дом на Яицкой, 65 разгорался как просмоленная бочка, выбрасывая в свинцовое небо Оренбурга столб черного, жирного дыма.

— Юра! Ты какого хрена факелы палишь?! — сквозь треск горящего дерева пробился сиплый голос.

Из метели, увязая по колено в сугробе, вынырнула коренастая фигура в армейском тулупе поверх разгрузки. За спиной Василия покачивалась снайперская винтовка, из которой он подстрелил тварь с карниза Неплюевки, а в руках он держал тяжелый «Вепрь» стволом вниз, пока гофрированный хобот его противогаза раскачивался в такт тяжелому шагу.

— Зверь оказался интересным, — бросил Юрий, тяжело дыша и наблюдая, как рушится внутрь пылающая крыша. — Свинца мало оказалось. Он целиком из крыс собран был, Вась, мегазорд хренов.

Василий взялся пальцами за край запотевшей маски, собираясь стащить ее с раскрасневшегося от бега лица, и глухо присвистнул сквозь мембрану: — Ты гонишь... В смысле — из крыс?

— В прямом. Пуля череп разнесла, а плоть распалась. Они внутри жили. Мышцы ему заменяли. — Юрий заметил, что друг уже оттянул резиновый обтюратор на подбородке, и тут же жестко перехватил его руку: — Ты дурак, что ли?! Жить надоело?! А ну прижми маску!

— Да ладно тебе, — будто и не было ничего ответил Василий, — Запыхался просто по сугробам чапать, дай хоть дух переведу. Ты не сцы, ща надену все обратно. Обещаю, шапку тоже напялю.

— Даше потом сам объяснять будешь, почему вместо носа у тебя огурец вырос. — Бросил Юрий, останавливая взгляд на разгоравшимся в морозе снега доме.

Василий недовольно засопел под резиной, поправляя лямки шлем-маски, и решил тему защиты сменить:

— Горючки и так на донышке в канистрах, а ты пол-литра масла на шашлыки пустил. Ладно, черт с ним. Главное, завалили, конечно. За тобой по этим сугробам хрен угонишься. У тебя рост под два метра, сажень в плечах, а я — метр с кепкой.

— Шевелиться надо резче, — беззлобно усмехнулся Юрий, закидывая дробовик за спину. — Уходим. На костер сейчас со всей округи падальщики сбегутся. Нырнем через церковь Покрова. Там подземелья сухие, к нашим складам напрямик выйдем.

— Только подожди меня, Рэмбо доморощенный! — буркнул Василий, плотнее запахивая капюшон поверх противогаза.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы стояла на крутом склоне Ренды, словно седой часовой над вымершей слободкой. Построенная в середине девятнадцатого века из толстого крепостного кирпича, замешанного по старинному обычаю на яичных белках, она выдержала и гражданскую войну, и советское запустение, и огненный шторм новой катастрофы. Купола ее давно потеряли позолоту, покрывшись чешуей бурой окалины, но мощные полутораметровые стены стояли непоколебимо.

Охотники захлопнули за собой дубовую, обитую полосовым железом боковую дверь, отсекая вой бурана. В притворе пахло сырым камнем, застарелым воском и ладаном.

— Вась, я вот все думаю... — Юрий зажег подствольный фонарь, луч которого выхватил из темноты резной иконостас с потемневшими ликами. — Почему этот зверь бежал именно на Яицкую? Он ведь петлял, уходил от выстрела, но точку держал четко. И в доме... он ведь не прятался. Он подушку зубами рвал. Как будто искал кого-то. Или помнил.

Василий прислонился к колонне, лишь на секунду оттянув пальцем край обмерзшего резинового намордника, чтобы перевести дух, но снимать маску перед спуском к прихожанам не решился:

— Мне-то откуда знать? Нашел академика с биофака. Жрать ему хотелось, вот и весь сказ. Крыша поехала от голодухи.

— Нет, — покачал головой Юрий. — Там что-то другое было. Человеческое. Словно воспоминание из прошлой жизни его в ту спальню приволокло.

— Ты давай без мистики, а? Мне и так тошно. Хватит того, что под алтарем у здешних святош творится. В прошлый раз насмотрелся, до сих пор по ночам чудится. Сейчас бы поку- рить лучше найти, а то я свою пачку благополучно в снегу посеял.

Юрий промолчал. Он подошел к каменной плите в полу за главным приделом. Тяжелое чугунное кольцо поддалось со скрипом. Вниз уходила крутая лестница, теряющаяся во мраке подземных коммуникаций старого Оренбурга.

Подземная сеть города была легендой еще до войны. Купеческие лабазы, потайные ходы гарнизона крепости времен пугачевского бунта, винные подвалы на Советской, пере- ходы между корпусами Неплюевского кадетского училища и советские бомбоубежища бун- керного типа – все это за два века переплелось в единый многоярусный лабиринт. После того как поверхность накрыло радиоактивным саваном и вечным морозом, подземелья стали един- ственным ковчегом для горстки выживших.

Они спустились на глубину шести метров. Здесь, за кованой дубовой переборкой, начи- налась территория общины Покровского прихода.

Юрий постучал в дерево условным стуком: три коротких, пауза, два тяжелых.

Через минуту в узкой смотровой щели блеснул тусклый желтый огонек масляной плоски, и старческий, дребезжащий голос прошамкал:

— Кто в такую темень стучит? Во имя Отца и Сына...

— Свои, отец Сергей. Охотники с Цейхгауза. Юра и Василий. Зверя с Паркового сняли, пропустите по перегону.

Засов с лязгом отодвинулся. Дверь приоткрылась, явив сторбленную фигуру старика в истлевшей черной рясе. Отец Сергей казался мумией, случайно выбравшейся из склепа: кожа цвета пергамента обтягивала череп, слезящиеся глаза утопали в глубоких провалах глазниц.

— Проходите, чада... Проходите. Слава Спасителю, избавили слободу от лиходея. Только тихо идите... Братия на вечерней молитве.

Охотники шагнули в подземную галерею, и даже привычный ко всему Василий невольно втянул голову в плечи.

Обитель не походила на святое место. Это было чистилище.

Вдоль сырых кирпичных стен, под сводами, где чадили коптилки из снарядных гильз, сидели и стояли на коленях люди. Около двадцати человек — все, кто успел спуститься сюда в первые дни после ядерного удара. Но назвать их людьми было уже трудно.

Вирус «Chimera-V», занесенный с поверхности первыми беглецами, не убил прихожан благодаря сырому холоду подземелий, но изуродовал до неузнаваемости. У сидящего на ящике послушника нижняя часть лица представляла собой бесформенный бугристый нарост багрового цвета, сквозь который едва пробивалось свистящее дыхание. У женщины, монотонно отбивавшей поклоны перед закопченной иконой, правая рука срослась в единую костяную культю, лишённую пальцев. Их рясы пахли псиной, их глаза были затянуты мутной пленкой катаракты, но они молились. Истово, страшно, шепча слова псалмов разорванными губами.

— Жуть кромешная, — едва слышно шепнул Василий на ухо другу. — Каждый раз иду здесь, и мороз по коже. Сами ведь на мутантов похожи стали, а туда же – кадилами машут.

— Поживи на мерзлой воде да сырых шампиньонах два года без солнца, еще не так покро- ешься, — сквозь зубы отозвался Юрий. — Им надежда нужна. Без нее они бы друг другу глотки перегрызли еще в первую зиму. Кстати, отличный пример того, что с тобой будет, если почаще снимать резину с лица на улице будешь.

Отец Сергей довел их до массивной дубовой двери в дальнем тупике пещеры, ведущей в личную келью настоятеля:

— Пойдите здесь. Сам отец Павел вас кликал. Дело у него к вам первостатейное.

Василий недовольно скривился:

— Слушай, отче, нам до дома дойти надо, там матери ждут, Дашка борщ греет... Какое еще дело?

— Господнее дело, сын мой, — отрезал Сергей, и в его слезящихся глазах на миг промелькнула холодная, злая сталь. — Зайдите. Игумен дважды не просит.

Юрий тронул товарища за плечо, призывая к спокойствию, и первым толкнул низкую дверь.

В келье Игумена Павла горела настоящая парафиновая свеча — неслыханная по нынешним временам роскошь. Комната шагов пять в длину была заставлена стеллажами из грубых досок, ломившимися от сотен книг. Здесь пахло старой бумагой, сухим деревом и дорогим табаком.

За столом восседал старик. В отличие от своей изуродованной паствы, Игумен Павел выглядел монументально. Густая серебряная борода аккуратно подстрижена, темные волосы зачесаны назад, а черная ряса из добротного сукна сидела на широких плечах как влитая. Но сильнее всего поражали глаза — глубокие, угольно-черные, живые, не тронутые ни катарактой, ни безумием. В них читался острый, холодный ум человека, привыкшего повелевать задолго до того, как на землю упали бомбы.

— Мир вам, воины. — Произнес Игумен густым, поставленным баритоном. — Садитесь к огню. Мне уже донесли о вашей сегодняшней охоте. Очистили землю от скверны.

— Мы свою работу сделали, отец Павел, — сухо ответил Юрий, присаживаясь на край табурета и удерживая дробовик на коленях. — Сергей сказал, у вас разговор есть. Мы спешим.

Павел усмехнулся в бороду, отложил перьевую ручку и сцепил пальцы в замок:

— Молодость... Всегда торопится туда, где ее ждет лишь уныние. Что ж, перейдем к делу. Вы оба знаете, что такое Дом Советов?

Василий фыркнул:

— Губернаторская резиденция на площади Ленина. Только к ней сейчас не подойти. Снаружи елки мутировали, в железный частокол превратились, а под землей стальные гермодвери советского бункера наглухо заперты.

— Заперты, — кивнул Игумен. — Но ключи существуют. В архивах губернаторского краеведческого музея, что в старинном особняке на Советской, хранится специальный технический фолиант. Служебное издание облисполкома восемьдесят восьмого года: «Реконструкция спецобъектов Дома Советов. Степная жемчужина», автор — главный инженер Анатолий Никифоров. Там не просто текст. Там поэтажные инженерные экспликации, схемы кабельных коллекторов и, главное, план дренажных систем, ведущих в подвалы Казанского кафедрального собора, на фундаменте которого Дом Советов и воздвигли.

Юрий прищурился, чувствуя подвох:

— Музей на Советской — мертвое место. Там еще в первую осень люди пропадать начали. Туда ни один вменяемый сталкер не сунется. Зачем вам эти чертежи, отче? Грехи замаливать в министерских кабинетах собрались?

Игумен медленно наклонился вперед. Тень от пламени свечи сделала его лицо похожим на лик инквизитора:

— Там, под Домом Советов, в глубоких хранилищах, уцелел не просто правительственный бункер. Там законсервированы автономные энергоустановки, склады медикаментов и реликвии взорванного большевиками собора. Но вам я предложу другое. Достаньте мне книгу Никифорова. Принесите чертежи. Сергей месяц назад начертил вам лишь схему ближних городских лазов. Я же в награду дам вам полную военную штабную карту внешнего кольца и

дальних магистральных коллекторов. Я укажу вам безопасный путь наружу, в те земли за пределами зоны поражения за Оренбургом, где вся гадость спадает и где человек может дышать без противогаза, если вам конечно интересно такое предложение.

В келье повисла тишина. Было слышно лишь, как потрескивает фитиль.

— Чистая земля? — глухо переспросил Юрий. Сердце в груди пропустило удар. — Вы хотите сказать, что за пределами Оренбурга есть жизнь?

— Я пришел оттуда, сын мой, — тихо, но с железной уверенностью произнес Игумен. — Из пещер под Свято-Николаевским монастырем, что в ста километрах к западу. И я знаю, о чем говорю. Город — это мышеловка. Здесь вы сожрете последние консервы и либо обратитесь в тварей, подобных сегодняшнему зверю, либо сгниете от цинги. Выбор за вами. Принесите мне книгу, и я открою вам дорогу к жизни.

Юрий посмотрел на Василия. Тот сидел бледный, приоткрыв рот, и в глазах друга впервые за два года блеснул огонек настоящей, отчаянной надежды.

— А чего же вы тогда в нашу «мышеловку» пришли? Неужели в монастыре нормально не сиделось? — Василий задал вопрос, который был очевидным в данной ситуации.

Игумен поднял исподлобья тяжелый укоризненный взгляд, — Молодой человек, понимаю, ваша жизнь трудна и сурова, но это не дает вам права дерзить мне. В прочем, на все воля Божья. Так уж и быть, утолю ваше любопытство. Мой путь — не прямая линия, где я иду от худшего к лучшему. Я стремлюсь исполнить начертанное мне. Думаю, вам будет сложно понять мои мотивы, но я хочу непременно привести заблудшие души в греховном граде к Господней благодати.

Василий с усмешкой посмотрел на друга. В его взгляде читалось явное недоверие к словам церковнослужителя. «И вправду, — подумал про себя Юрий, — Этот Павел без рясы больше походил бы на самого подлого шарлатана с рынка, но уж точно не на человека, готового пожертвовать своим комфортом ради чьего-то блага».

— Мы подумаем, отец Павел, — поднялся Юрий.

— Думайте, — благословил их крестным знаменiem старик. — Но помните: время в мертвом городе работает не на вас.

Они шли по узкому кирпичному лазу в сторону медицинского института. До родного Цейхгауза оставалось меньше полукилометра, но тишина между ними звенела, как натянутая струна.

Василий не выдержал первым:

— Слышь, Юр... Я все из башки выкинуть не могу ту тварь с Яицкой. И этих... монахов Сергиевых. Ты же видел их рожи под капюшонами? Мясо пузырями, кости наружу прут, щек нет... Какого черта с людьми творится? Два года прошло, Юра! Всего два несчастных года!

Василий притормозил, обернувшись к другу. В его глазах плескалась неподдельная злость — защитная реакция на первобытный страх.

— Я в школе биологию не прогуливал, да и батя перед смертью заставлял книжки по гражданской обороне хотя бы почитывать. Ну не бывает так! От радиации зубы крошатся, волосы лезут, кровью харкают, рак заводится... Но чтобы у человека за пару лет челюсть втрое разрасталась, зубы иглами становились, а под кожей шерсть и крысиные хвосты переплетались? На такие метаморфозы природе века нужны! Это же эволюция, мутация поколений, разве нет? Да и кто его знает, может он таким уже года полтора ходит, а зубы у него в пилюли на второй месяц появились или около того.

Юрий остановился, опершись рукой о холодный кирпич.

— Никакая это не эволюция, Вась. И радиация тут я думаю ни при чем.

— А что тогда? Бесы, как Сергей заливают?

— Хуже бесов. Люди, — Юрий понизил голос почти до шепота. — Отец мне еще рассказывал. Помнишь, когда сирены взвыли и ракеты пошли, военный радиоканал потом часа три сквозь треск вещал, пока ретранслятор на телевизшке не сгорел? Про боеголовку-трилистник, что прямо в наш завод «Стрела» метила?

— Ну помню, — нахмурился Василий. — Производство ракетных двигателей, оборонный узел. Логично, что туда всадили.

— Всадили-то всадили, только начинка там была особая. Отец говорил, военные химики в штабе сразу поняли, что это не просто плутониевый заряд был. Американцы применили какой-то свой агрессивный бактериологический штамм. Новейший боевой ретровирус ускоренного мутагенеза. Расчет был циничный до жути — не просто в пыль цеха стереть, а гарантированно выкосить все живое в радиусе ста километров, чтобы восстанавливать индустрию некому было. Ну, по крайней мере все на это более чем похоже, как бы глупо и фантастично не звучало.

Юрий провел пальцем в перчатке по выщербленному шву кладки:

— Эта дрянь рукотворная, Вась. Боевой штамм, специально сконструированный так, чтобы разрывать человеческую ДНК за считанные недели. Он не ждет смены поколений. Вирус внедряется в клеточное ядро, ломает генетический код живьем, заставляя ткани делиться и перестраиваться с бешеной скоростью, как злокачественная опухоль. Большинство людей от этого яда сгнило в первые же дни. А те единицы, чей иммунитет попытался бороться... вирус их не убил. Он их переписал. Вспомни, которую тварь уже убиваем. Конечно, таких как сегодняшняя мы еще не встречали, но все равно, другие не далеко от этой ушли. Вирус, наверное, сращивает клетки носителя с любой падалью, копошащейся рядом с жертвой в подвалах, крысы там, лишайник, черви какие-нибудь... Вот тебе и «звери».

— Твари... — глухо процедил сквозь зубы Василий. Он сжал кулаки так, что затрещала кожа перчаток. — Знали ведь, ублюдки, что сбрасывают. Думали, раскатают нас в слизь, а сами за океаном отсилятся...

— Про отсилятся это вряд ли, — на лице Юрия скользнула злая ухмылка, — Наши тоже не промах, должны были достойно ответить. А пендосы может, и думали, что сработает, — тихо ответил Юрий, снова трогаясь в путь по коридору. — Да только просчитались с климатом. Когда на востоке рванули химкомбинаты Орска и Новотроицка, над степью встал мороз. Химический буран, эта наша вечная зима, — Юрий отмахнулся, как от назойливой мухи, — Прибила вирусную взвесь к земле, заморозила аэрозоль и не дала заразе расползтись дальше. Штамм в чистом морозном воздухе наверху за месяц деактивировался — по крайней мере, так рассуждали родители. Одно плохо: буран несет с заводов ядовитую химическую пыль и выдувает из теплых вентиляционных шахт и звериных логовищ спящие споры. Вдохнешь такую снежную взвесь без фильтра — занесешь заразу в горячие легкие, а везде, где температура плюсовая, вирус моментально оживает. И продолжает жрать то небольшое, что в нас еще осталось человеческого.

— Значит... если мы здесь останемся, мы тоже рано или поздно в таких обратимся? — тихо спросил Василий в спину друга.

— Если будем сидеть в этой норе и ждать конца — обязательно обратимся, — отрезал Юрий, толкая тяжелую дверь, ведущую в казематы их убежища. — Поэтому мы пойдем в музей Перовского. Достанем чертежи. И уйдем из этой проклятой ледяной могилы навсегда. Жаль, что раньше об этом варианте нам никто не сказал, хотя надо было бы и самим догадаться.

Они шагнули в спасительное тепло родного убежища. За тяжелой дубовой дверью с кованым засовом их ждал Цейхгауз.

Глава III

Они закрыли за собой дубовую переборку Цейхгауза, опустив поперечный брус из просмоленной лиственницы в кованые скобы. Глухой щелчок засова отсекал сырой сквозняк подземного перегона, и в лицо пахнуло тем, что за два года стало для горстки людей единственным подобием дома: запахом сухих дров, перекаленного чугуна, вываренной кислой капусты и оружейного масла «Глухарь».

Степной цейхгауз — бывший губернский военный арсенал, заложенный еще при Николае Первом для хранения фуража, пороха и артиллерийского снаряжения Оренбургского казачьего войска, — был построен на века. Инициатором строительства выступил известный Оренбургский генерал-губернатор Перовский, он прекрасно понимал, как и чем ему предстоит воевать на границе империи.

Своды из темного пережженного кирпича, уложенного крестовой перевязкой на известковом растворе с добавлением яичного белка, уходили вглубь на два яруса. Советская власть в тридцатые годы укрепила нижний этаж монолитными железобетонными рубашками, настила чугунные плиты полов и врезала тяжелые противоатомные фильтровентиляционные установки, превратив старинный цейхгауз в объект гражданской обороны второй категории.

Именно эти стены и спасли три семьи, бежавшие сюда, когда в роковой сентябрьский полдень над горизонтом вздулся багровый пузырь трилистника.

В том, что этот каменный склеп стал их спасением, крылась злая, насмешливая ирония судьбы.

О существовании арсенала они знали с детства. Летом две тысячи семнадцатого, когда обоим было по десять лет, мир казался бесконечным, пыльным и безопасным. За их пятиэтажной сталинкой на Парковом проспекте тянулись ряды горбатых кирпичных гаражей. За ними начиналась запретная зона — заброшенная тыловая база войсковой части, отрезанная от жилых кварталов густыми чахлыми тополями с елками и ржавой, рваной сеткой-рабицей. Поверх забора змеилась колючая проволока «егоза». Местами она провисла, выросла в корявые стволы карагача, испуская хлопья бурой окиси, но пугала мальчишек не острая сталь. Пугала мертвая, нежилая тишина.

В тот июльский полдень стояло марево. Пахло нагретым рубероидом, сухой полынью и соляжкой. Мальчишки, неугомонный, вечно лезущий на рожон Васька и молчаливый, рассудительный Юрий, полезли за гаражи на спор. Никто из дворовых пацанов не рисковал перебираться через провисший периметр: взрослые пугали гарнизонными часовыми и злыми собаками, хотя военные оставили эти склады еще в конце девяностых.

Проволока подалась с жалобным скрипом. Ребята продрались сквозь колючий кустарник, ободрав колени, и вывалились на потрескавшийся плац.

Время здесь будто споткнулось и замерло в полушаге. В самом сердце суетливого степного города покоился осколок Российской империи, грубо заштопанный советским железобетоном. Из трещин в асфальте буйно пер пырей вперемешку с конским щавелем. Вдоль полусгнивших деревянных погрузочных эстакад штабелями лежали истлевшие орудийные укупорки — черные, растрескавшиеся доски, из которых торчали кованые гвозди. Оконные рамы казарм по левую руку слепо таращились во двор выбитыми стеклами, заросшими зеленым мхом.

Большинство массивных створов арсенала были запечатаны пудовыми навесными замками и крест-накрест забиты рельсовыми накладками. Открытым оставался лишь один зев — кованая, сорванная с верхней петли дверь одноэтажного кирпичного амбара охристого цвета. За ней клубился сырой сумрак.

— Не надо туда, Вась, — Юрий вцепился в плечо друга. Холодок предчувствия скользнул под майку, несмотря на полуденный зной. — Завалит еще. Или шприцы там... Мало ли кто шастает.

— Да брось ты, Юрок! Трус, что ли? — Васька азартно блеснул глазами, шмыгнул разбитым носом и первым шагнул в проем. — Глянь, там спуск вниз! Как в метро!

Юрию ничего не оставалось, кроме как пойти следом.

Сразу за порогом начинался резкий провал в подземелье. Деревянная лестница с широкими ступенями наполовину сгнила, перила шатались от малейшего прикосновения. Слева пологим скатом уходил дощатый настил для скатывания бочек. Дневной свет отступил почти сразу, разбившись о плотную, липкую тьму нижнего яруса. Воздух здесь был совсем другим: ледяным, пахнущим известью, застарелой оружейной смазкой и той особенной, могильной тишиной, от которой закладывает уши.

Каждый шаг десятилетних мальчишек отзывался под сводами гулким, деревянным стоном.

На дне спуска Василий внезапно встал как вкопанный.

Юрий поравнялся с ним, вжавшись плечом в плечо товарища. Чернота впереди не была пустой. Она казалась осязаемой, тяжелой, как ватное одеяло, пропитанное холодом. Глаза отказывались различать очертания казематов: казалось, сама тьма всматривается в незваных гостей из глубины сводчатых галерей, оценивая их незрелую, теплую плоть.

Сколько они простояли так, замерев на каменных плитах пола — минуту, вечность? Васька мелко дрожал всем телом, из его носа прерывисто, с тихим всхлипом вырывался пар. Юрий чувствовал, как первобытный, безотчетный ужас сдавливает грудную клетку ледяным обручем, не давая сделать спасительный вдох.

А затем из глубины черного зала донесся звук.

Ш-ш-ших... Скряб...

Словно нечто тяжелое, волочащее по камню рваные суконные полы или когти, медленно переступило во мраке с ноги на ногу.

— БЕЖИМ! — сорвался на визг Васька.

Они взлетели по шатающейся лестнице, не разбирая ступеней, обдирая ладони о колючие щепки, не чуя под собой ног. Страх гнал их в спину ледяным ветром. Казалось, протяни руку назад, и пальцы наткнутся на холодную, осклизлую шерсть существа, проснувшегося в вековых подвалах. Они вывалились на залитый солнцем плац, перемахнули через забор, не заметив разодранных о колючку маек, и неслись по дворам без оглядки до самого подъезда.

«Оно» — так они шепотом называли то безымянное порождение тьмы, споря до хрипоты в безопасных комнатах. Васька уверял, что видел красный глаз на уровне потолка; Юрий молчал, но долго еще просыпался по ночам от фантомного скрипа тех гнилых ступеней. Детский разум слепил из шороха сквозняка и собственного ужаса фигуру чудовища, наделив пустоту клыками, злобой и вечным голодом.

Чудовище так и осталось безымянным призраком их детства.

Но спустя шесть лет, когда полуденное небо Оренбурга разорвала беззвучная вспышка первого взрыва, когда задрожали бетонные перекрытия сталинки, а в окна хлестнуло пламя сгорающего неба, Юрий не думал ни секунды.

Он схватил за руку оцепеневшую мать, перемахнул через лестничный пролет, колотя кулаками в дверь Кремнёвых напротив и Василия этажом ниже:

— На склады! За мной, к амбару!

Шесть лет назад подземелье подарило им первый в жизни урок страха.

Шесть лет спустя оно стало их единственным убежищем от гибнущего мира.

Юрий сбросил на верстак тяжелую разгрузку. Плечи под ватником немо заныли, освободившись от тяжести бронежилета, остатков магазинов и железа. Он стянул шершавые стрелковые перчатки, обнажив огрубевшие, покрытые сетью застарелых пороховых ожогов ладони. Пальцы мелко дрожали от пережитого напряжения.

— Добре́ли... — выдохнул Василий, привалившись спиной к косяку оружейной. Его лицо, еще полчаса назад покрасневшее от бега, теперь казалось серым в неровном свете подвешной керосинки. — Юр, а ведь так подумать... Если бы нам месяц назад ту стену не вскрыли, мы бы и знать не знали про Покровскую обитель. Сидели бы в своем погребе, пока последняя тушенка плесенью не взялась.

Юрий не ответил. Он подошел к оцинкованному рукомойнику, с лязгом нажал на латунный шток и подставил ладони под ледяную, пахнущую железом струю. Вода поднималась ручной помпой из глубокой скважины, пробитой сквозь скальный известняк еще в шестидесятые. Чистая, пригодная для питья, но такая холодная, что от первого же глотка сводило затылок.

Он плеснул водой в лицо, смывая въевшуюся в поры сажу горящей Яицкой, и невольно бросил взгляд на глухую стену в дальнем конце коридора. Ту самую, за которой начинались чужие ходы.

Это случилось ровно двадцать девять дней назад.

В ту ночь Юрий не спал.

Он сидел за верстаком в мастерской, при свете коптилки из латунной гильзы пытаясь перебрать заклинивший динамо-фонарик. В казематах стояла та особенная, натянутая тишина, которая бывает под землей только в предрассветные часы: мерно капала вода в дренажном приемке, глухо потрескивала остывающая кирпичная печь, да за фанерной перегородкой тяжело, с хрипом вздыхала во сне мать Василия, Анна Сергеевна.

Первый звук был похож на падение сухой штукатурки. Тонкий, шелестящий шорох где-то у плинтуса в тупиковом крыле, где до революции располагались пороховые погреба.

Юрий замер с надфилем в руке. Зрение и слух, обостренные двумя годами постоянного ожидания смерти, превратили его в сторожевого пса: мышцы мгновенно налились свинцом, сердце сбавило ритм, переходя на экономный, бесшумный бой. Он положил инструмент на промасленную ветошь, мягко, на одних носках, поднялся с табурета и снял со стены укороченную «Сайгу». Предохранитель щелкнул под большим пальцем едва слышной сухой искрой.

Шорох повторился. А затем раздался удар.

Это не было осадкой грунта или температурным вздохом балок. Звук был ритмичным, размеренным, искусственным. Металл бил в вековой камень с той стороны кладки.

Тук... Тук... Тук...

Пауза в четыре секунды. Словно невидимый землекоп проверял толщину преграды или прислушивался, не вызовет ли его работа обвала сводов. Затем снова:

Тук... Тук... Скряб...

Юрий метнулся в соседний отсек, прижал ладонь ко рту спящего Василия. Тот вскинулся мгновенно – привычка просыпаться без звука вбивалась в них отцами с первых дней Катастрофы. Глаза друга расширились во тьме, он перехватил запястье Юрия, кивнул и тут же потянулся к изголовью, где лежал снаряженный охотничий «Вепрь».

Они выставили заслон по флангам пролома. Юрий лег на холодный бетон слева, укрывшись за мешками с засохшим цементом, Василий опустился на правое колено за чугунной станиной токарного станка. За их спинами, в глубине жилого отсека, беззвучными тенями встали женщины: Анна Сергеевна с тяжелым пожарным топором наперевес и шестнадцатилетняя Даша, сжимавшая длинный самодельный тесак, переточенный из рессорной пластины. Никто не зажигал фонарей. Тьма была их броней.

Удары становились ближе. Кирпич звенел, вибрировал. Было слышно, как с той стороны выкрашивается раствор – древний, монолитный, но бессильный перед методичной тяжестью

профессионального инструмента. В воздухе повисла едкая известковая пыль, запершило в горле.

На тридцатом ударе центральный кирпич дрогнул, подался внутрь и с сухим стуком вывалился на пол склада.

В образовавшуюся брешь брызнул тонкий, неверный желтый луч керосиновой лампы. Запахло чем-то чужим, сырым, запахом склепа, прелой ткани и ладана.

— Есмь Бог... — донесся из дыры сиплый, старческий шепот, дребезжащий и торопливый. — Не бойся, паства... Обожди стреляти, люди крещеные! Мы спасти вас пришли...

Юрий не шелохнулся. Мушка дробовика застыла ровно на уровне пролома.

— Тихон, сынок! — продолжал невидимый старик за стеной. — Выбивай средний пояс, просторно делай. Небось брошено тут все, со времен «Хруща» не хожено...

Ответный звук заставил каменные плиты пола под ногами Юрия вздрогнуть. Раздался тяжелый, натужный вздох меха кузнечного горна, следом свист рассекаемого воздуха, и в стену ударил таран чудовищной силы.

БА-АМ!

Кладка треснула паутиной трещин. Второй удар вынес сразу полдесятка кирпичей, осыпав пол красным щебнем. В клубах извести показался силуэт.

Человек, шагнувший в пролом, не помещался в дверном габарите. Ему пришлось пригнуться, втянуть голову в плечи, чтобы протиснуть исполинский торс сквозь метровую дыру. Ростом под два метра двадцать сантиметров, с плечами шириной в корабельный рундук, он казался живым куском гранита, на который накинули бесформенный балахон из грубой мешковины с прорезями для рук. Лица великана не было видно под низко надвинутым клобуком, лишь клочковатая смоляная борода да тяжелый, неподвижный подбородок. В правой ладони, толщиной с дубовую плаху, он с небрежной легкостью держал шестнадцатикилограммовую кузнечную кувалду на длинном ясеневом топорике. От него разило сырой землей, едким потом и гарью.

Великан выпрямился под сводом склада, и потолок перестал казаться высоким. Он молчал. Ни единого звука, ни взгляда по сторонам, он просто замер, словно каменное изваяние, заслоняя собой пролом.

Вслед за ним из дыры, суетливо отряхивая рваный подол истлевшей рясы, вынырнул сухонький старик. На груди его покачивался тяжелый восьмиконечный крест из мореного дуба, а маленькие, глубоко посаженные глазки-буравчики мгновенно обшарили полутемный склад, выхватывая и бочки с соляжкой, и стеллажи с банками, и контуры станков.

— Ба-а... — протянул старик с еле сдерживаемым восторгом. — Гляди-ка, Тихонушка... Не обманули карты-то. Обжито! Живые души в юдоли скорби...

— Стоять, сука! Стрелять буду! — рявкнул из темноты Василий, с металлическим лязгом вжимая приклад «Вепря» в плечо. — Руки от молота убрал, шкаф ряженный! Шаг сделаешь — башку снесу!

Великан даже не шелохнулся. Его маленькие темные глаза под нависшими надбровными дугами медленно, с тягучим равнодушием скользнули по стволу, смотревшему ему точно в переносицу. Кувалда в его руке не дрогнула ни на миллиметр.

Старик же всплеснул костлявыми ручками, торопливо заслоняя собой исполина:

— Милок! Опомнись, христовый воин! С миром мы! Из обители Покрова Пресвятыя Богородицы с Ренды пробиваемся! Не бери греха на душу, опусти оружие, не прогневай Господа в обители Его!

Юрий поднялся из-за мешков с цементом. Его движения были плавными, выверенными — ствол «Сайги» он держал на уровне солнечного сплетения гиганта, прекрасно понимая, что в замкнутом пространстве двенадцатый калибр с тяжелой пулей Полева — единственный аргумент против подобной горы мышц.

— Кто такие? — голос Юрия прозвучал холодно, без истерики. — Как нашли проход? Старик торопливо сотворил крестное знамение:

— Иерей Сергей аз есмь, недостойный пастырь прихода Покровского. А сие – послушник наш, Тихон, чадо немое, Господом силой неизреченной наделенное, дабы пути подземные ко спасению расчищать. Мы уж седмицу стену сию долбим. По картам старым, епархиальным, чаяли лаз к цейхгаузу сыскать. Родители ваши живы ли? С кем из старших толковать дозволишь, отрок?

— Я здесь за старшего, — отрезал Юрий. — Никого тревожить не дам. Говори, с чем пришел, поп, пока мой напарник палец на спуске держит. У него рука тяжелая, сорвется – никакой крест не залатает.

Сергей окинул Юрия внимательным, цепким взглядом, в котором на миг проступило нечто совсем не монашеское – холодный, расчетливый интерес старого рыночного скупщика краденого:

— Сироты вы, я и без правды твоей вижу... Мужество ваше похвально, чада. Велика скорбь земли Оренбургской, но милость Господня пуще. Не грабить пришли – мену сотворити. Мы в обители хлеб насущный имеем, грибной сбор под лампами ультрафиолетовыми разводим, да вот беда: карты наши подземные ветхи, ходов ко многим складам не ведаем. А у вас, зрю я, библиотека богатая спасена...

Старик вытянул сухонький палец, указывая сквозь распахнутую дверь жилого сектора на аккуратные ряды книг, стоявших на полках из снарядных ящиков.

— С чего ты взял, что мы тебе что-то менять станем? — прищурился Юрий.

— А с того, сын мой, что вы здесь яко кроты слепые сидите. Не ведаете, кто над вами бродит, какие твари в переулках логова свили, где завалы лежат, а где своды обрушиться нороят. Мы же – сеть подземную второй год топчем. Каждый уголок знаем, каждый люк наружу выверен. Нус, — Слегка потупил взгляд Сергей, — Почти каждый. В любом случае, я вам карту черчу – со всеми лазами от Ренды до кадетского корпуса и вокзала. А вы мне взамен книжицу уступите. Вон ту, в коленкоре зеленом, на верхней полке. Да пообещаете в гости к нам заглянуть как времечко выдастся.

Юрий проследил за взглядом священника. На полке стоял увесистый том большого формата с тисненными золотыми буквами: *«Атлас водопроводных, канализационных и дренажных сетей города Оренбурга с планом высот и колодцев. Издание Городской Думы, 1911 год»*. Старая инженерная книга, вытасченная отцом из полузатопленного подвала водоканала еще в первую зиму. Чертежи чугунных труб и перепадных колодцев царской постройки тогда показались бесполезными, ведь все давно уже изменилось за сотню с лишним лет, но отец бросить ее не позволил: «Бумага тряпичная, вечная. На растопку в крайний день сгодится».

— Атлас водопровода? — переспросил Юрий, не опуская ружья. — На кой он тебе?

— Всякая мудрость от Бога, — благообразно потупился Сергей, но желтые белки его глаз лихорадочно блеснули. — Мы в обители источник чистый ищем. Старые трубы из чугуна литого до революции глубже клали, нежели при советах. Ежели свищ найдем – с водой на веки вечные будем. Ну так как, отрок? Карта в обмен на атлас старинный. Христом Богом клянусь – ни единого хода не утаю, все ловушки и тупики обозначу.

Юрий поколебался несколько секунд, взвешивая риски. Присутствие за стеной двухметрового молотобойца делало отказ опасным: если эти двое уберутся ни с чем, никто не гарантировал, что завтра они не вернуться с десятком таких же Тихонов и карабинами. Но получить карту выходов в город значило обрести глаза.

— Вася, держи гиганта на мушке, — скомандовал Юрий. — Дернется к молоту — стреляй в колено. А ты, отче, ступай за мной в мастерскую. Да без фокусов.

Они сидели за грубо сколоченным столом библиотеки под тусклым светом керосиновой коптилки. Сергей работал споро: пальцы старика, несмотря на подагрические узлы, держали огрызок химического карандаша с уверенностью чертежника. На куске плотного ватмана, расстеленного поверх верстака, вырастала паутина линий.

— Гляди сюда, Юра, запоминай накрепко, — шамкал старик, слюнявя грифель. — Синяя черта – ход чистый. По нему братия наша ходит, там дозоры стоят, зверья нет, своды дубовой крепью подперты. Красная линия – опасность. Это шурфы и проломы, что прямо на поверхность выходят, к завалам да подвалам жилых домов. Оттуда сквозняк радиоактивный тянет, и твари с Паркового и Советской нередко спускаются на теплую воду погреться. В красные ходы без дробовика и факела соваться – смерть верная.

Карандаш резко скрипнул, выводя жирный пунктир, уходящий на северо-восток, в сторону площади Ленина:

— А черная нить — ходы тайные, замурованные. Про них в легендах рассказывают, да мы пока ломами не пробились. Вот сей рукав под улицей Пушкинской идет, аккурат к Дому Советов загибает. Но там заслон стоит – плита железобетонная в сорок сантиметров толщиной, да корни еловые сквозь швы лезут. Не подойти.

Юрий внимательно следил за каждым движением грифеля. Память у него была цепкая, с детства натренированная отцом-инженером: он сопоставлял рисунок Сергея с наземной сеткой улиц старого города, мгновенно укладывая маршруты в объемную схему.

— А это что за тупик у музея Краеведческого? — указал он пальцем на жирный крест у пересечения Советской и Пушкинской.

Сергей вздрогнул, грифель сорвался, оставив на ватмане грязную синюю царапину. Старик торопливо перекрестил угол стола:

— Туда не моги ходить, сынок. Ни под землей, ни поверху. То особняк генерал-губернатора Перовского, музей краеведческий бывший. Проклятое место. В первую же зиму туда взвод стрелков из ополчения сунулся – теплые залы искали да запасы музейные. Ни один не вернулся. А как посты выставили на поверхности близ входа, так и те погибли все. Говорят, бродит там тень старого графа... Людей ловит, кожей их стены обивает, чучела ладит. Нелюдь там поселилась.

— Нелюдь, говоришь... — протянул Юрий, пряча атлас водопровода под локоть. — Сказками меня пугать не надо, отче. Мы тут и сами не в раю живем.

— Сказки на ночь рассказывают, а сие — явь окаянная, — строго отрезал Сергей, поднимаясь из-за стола и протягивая иссохшую руку к фолианту. — Уговор наш свят. Вот тебе карта, мне атлас инженерный. Да помни: ежели нужда какая приспееет – медикаменты аль порох винтовочный, – приходи в обитель Покрова. Игумен наш, отец Павел, гостей добрых привлекает. А коли на поверхность выйти приспичит в пургу – стучи в наши двери за алтарем, укроем.

Через полчаса пролом в стене Цейхгауза был аккуратно заложен кирпичом на сухую и подперт изнутри тяжелым дубовым щитом на двух упорах. Незванные гости ушли в темноту, унеся старинный атлас и оставив после себя терпкий запах ладана, чертеж подземных артерий и липкое, недоброе предчувствие.

Юрий очнулся от воспоминаний. Вода в рукомойнике иссякла, кран сухо захлюпал.

Он вытер лицо рукавом ватника и посмотрел на Василия. Тот сидел на ящике из-под патронов, бережно протирая затворную раму «Вепря» промасленной фланелью.

— Месяц прошел, Юр... — негромко произнес Василий, не поднимая глаз. — А ведь Сергей тогда про музей этот сразу обмолвился. Сказал – не ходите, сгинете. А сегодня Игумен их, Павел, нам прямо в лоб: идите в музей Перовского, достаньте книгу строительную, иначе чистой земли не видать. Они что, сговорились? Или старик этот, Павел, нас специально на убой шлет?

— Игумен – калач тертый, — глухо отозвался Юрий, вешая оружие на гвоздь над верстаком. — Он из бывших тузов важных, такого за версту видно. Ему плевать на наши жизни. Ему чертежи Дома Советов нужны до зарезу. Или может сидит там в правительственном бункере кто-то, с кем у него старые счета не сведены. А то за кой черт ему соваться в мертвый город из своего «чистого места».

— Так может, ну его к лешему? — с надеждой вскинулся Василий. — Сидим же тихо! Вода есть, тушенки на полгода наскребем, патронов две цинки... Зачем нам в этот чертов музей соваться? Ты же сам слышал – там тварь сидит!

Юрий подошел к товарищу, тяжело опустил руку ему на плечо и заставил поднять голову:

— А дальше что, Вася? Ну просидим мы полгода. Сожрем последнюю банку говядины. Фильтры вентиляционные забьются радионуклидной пылью, или чем еще похлеще, чем тогда дышать станешь? Мать твоя кашляет так, что за перегородкой стены трясутся. У нее плеврит начинается, без антибиотиков до весны не дотянет. И Даша... Ты на Дашу давно смотрел?

Василий сжался, отвел взгляд, желваки на его скулах заходили ходуном:

— Нормально с ней все... Рисует она. Картины малюет.

— Ненормально, Вась. Она с каждым днем все больше в призрак превращается. Если мы отсюда не выберемся – сгнием заживо. А теперь пошли на кухню. Нас ждут.

Глава IV

Цейхгауз жил по мерному, заведенному отцами расписанию, в котором каждая минута была подчинена единственной задаче – не дать железу и камню остыть до температуры наружного моря.

Каждое утро начиналось с тяжелого лязга ручного насоса в дренажном приемке насосной станции. Сто двадцать качков – ровно столько требовалось, чтобы поднять из артезианской скважины порцию серой, пахнувшей кремнистым осадком воды в сорокаведерный бак под сводом. Затем наступал черед фильтровентиляционного агрегата ФВА-49: Василий, наваливаясь всем своим коренастым телом на чугунную рукоять ручного привода, крутил барабан полчаса без передышки, пока из гофрированных воздухопроводов не начинал тянуть сухой, очищенный сквозняк, пахнувший активированным углем и машинным маслом.

Юрий в это время проверял аккумуляторы.

Шесть танковых батарей 6СТЭ-140, снятых отцами с брошенного тягача у ворот в первую зиму, стояли на дощатом помосте в кислотном закутке. Они питали аварийную светодиодную ленту в центральном каземате и радиоприемник Р-326, на котором Юрий каждый вечер в двадцать три ноль-ноль крутил ручку настройки шкалы КВ, вслушиваясь в бесконечный, могильный треск пустого эфира.

Здесь, на глубине шести метров, все напоминало о тех, кто обустроил эту нору.

Отец Юрия, Дмитрий Сергеевич, ведущий технолог механического цеха, был педантом до мозга костей. Это его почерком – четким, чертежным, с несмываемой тушью – были подписаны ящики на стеллажах: «*Винты М4–М8. Латунь*», «*Прокладки паронитовые*», «*Сальники фетровые*». Это он рассчитал теплотемкость кирпичной буржуйки так, чтобы двух чурок хватало на шесть часов медленного тления. Он ушел в свой последний рейд в феврале двадцать четвертого, когда у матери начался отек бронхов – астма не прощала сырости подземелий, а запасной ингалятор с сальбутамолом был в разграбленной аптеке на проезде Коммунаров, в трехстах метрах от ворот их убежища. Его тело нашли в сугробе у витрины: рваные раны на шее и сжатый в окоченевших пальцах пустой пластиковый баллончик лекарства. Мать пережила его ровно на сутки – просто закрыла глаза на топчане и не проснулась.

Отец Даши, архитектор Алексей Николаевич, казался среди сгустившихся сумерек чужеродным видением. Интеллигент в роговых очках, преподаватель кафедры градостроительства, он даже в сыром каземате носил шерстяной пиджак с кожаными заплатками на локтях. Несмотря на тщедушное телосложение, он никогда не отказывался от тяжелой физической работы, будь то поход на поверхность за припасами или их трудоемкая укладка в подземном каземате.

Алексей Николаевич неустанно твердил рано ставшим взрослыми подросткам – берегите, храните и оберегайте культуру. Он неустанно подбивал товарищей по несчастью бродить с ним по домам несколько ходок к ряду, чтобы собирать остатки драгоценных книг. Даша его постоянно упрекала, что тот не бережет себя и может остаться на поверхности навсегда просто потому что захотел сохранить пару-другую никому теперь ненужных корочек с листками. Но единственным ответом на это все было его: «Без Пушкина, без Толстого, без Чехова и других светил русской цивилизации – выживать нет никакого смысла».

Его разорвали твари на улице Рыбаковской, совсем недалеко от их дома, когда он пошел искать для дочери очередной набор акварельной бумаги и колонковые кисти.

Отец Василия, прапорщик-сверхсрочник Михаил Степанович, был иным: шумным, грузным, с пудовыми кулаками и вечной армейской матерной присказкой. В первые месяцы после удара, пока в городе еще теплилась власть военной комендатуры, он регулярно уходил из Цейхгауза на дежурства в гарнизонные патрули, возвращаясь с пайками и сводками, пока в январе

двадцать четвертого последние блокпосты не пали под натиском тварей. Он не верил в пользу того, что нельзя было потрогать руками. Он верил в трехмиллиметровую сталь и калибр 7,62. Как настоящий прапорщик, он успел натаскать в убежище цинки с патронами, ящики с консервами, содрать с пожарных щитов топоры и ломы, в нескольких словах – сформировать запас всего, что так или иначе могло и должно было пригодиться.

Его жизнь оборвалась ровно год назад — в ту проклятую февральскую ночь двадцать пятого, когда химический буран с востока принес стужу за сорок пять, а приточная вентиляция Цейхгауза внезапно захлебнулась.

Юрий помнил каждую секунду той ночи.

Сначала надсадно, со скрежетом взвыл электромотор вытяжки. Стрелка дифференциального манометра на щите ФВА-49 дернулась влево и упала на ноль. В казематах мгновенно начал скапливаться тяжелый, удушливый чад от тлеющей буржуйки.

Михаил Степанович среагировал мгновенно. Прапорщик в одних кальсонах и накинутом на голое тело армейском полушубке метнулся к щиту, с силой рубанул ладонью по аварийному рубильнику:

— Забило оголовок! Наледь на решетку выросла или падаль ветром принесло. Задохнемся к утру, как мыши в банке.

Он не стал будить женщин. Старый служака сдернул со стены свой табельный СКС, сунул в карман две снаряженные обоймы и обернулся к семнадцатилетним пацанам, уже стоявшим у шлюза с оружием:

— Васька, на входной переборке стоишь, засов держишь на весу. Юрка – к смотровой щели со стволом. Если через пять минут не постучу трижды – дверь задраить, упоры вбить и не открывать. Там уже скорее всего к вам не я буду ломиться. Поняли меня, щенки?

— Батя, я с тобой! — рванулся Василий, вцепляясь в рукав отца.

Михаил Степанович с размаху влепил сыну короткую, тяжелую оплеуху – не со зла, а, чтобы выбить панику:

— Стоять на месте, рядовой! Ты мать караулишь! Сдохнуть всегда успеешь, жить научись!

В их доме стремительно кончился кислород. Их безопасная обитель превратилась в самую настоящую газовую камеру. Действовать нужно было как можно быстрее.

Михаил Степанович шагнул в промерзший шлюз, поднялся по обледенелым чугунным скобам к наружному люку амбара и толкнул стальную крышку. Сверху в подземелье хлынул ледяной, пахнущий жженой резиной воздух метели.

Скрип железа. Звук шагов по насту над головой. Глухие удары пешни по обледеневшей вытяжной трубе. И свежий воздух заструил по потолку и полу.

А затем тишину разорвал рев.

Это не было воем волка. Это был свирепый, клокочущий визг мутанта, спрыгнувшего на крышу амбара с вековых тополей за забором.

Сверху загрохотали выстрелы. Михаил Степанович бил из карабина в упор – часто, методично: бах! бах! бах! Каждая вспышка звука отдавалась в вентиляционном канале коротким гулким эхом. Следом раздался сухой треск ломаемого приклада, дикий человеческий мат и тяжелый удар массивного тела о металл люка.

— БАТЯ! — взвизгнул Василий, срывая стопор засова.

— СТОЙ! — Юрий всем весом навалился на друга сзади, сбив его на цементный пол, выкручивая руку. – Не смей! Он приказал ждать!

В этот миг верхний люк распахнулся.

По обледенелым ступеням колодца кубарем скатилось тело. Михаил Степанович рухнул на бетон шлюзовой камеры, тяжело ударившись о порог.

Он был еще жив. Но его овчинный полушубок был вспорот от правого плеча до паха тремя параллельными бороздами чудовищной глубины. Когти твари разорвали брюшину и бедренную артерию: горячая темная кровь хлестала толчками, дымясь на ледяном полу.

А следом за ним в открытый створ люка уже протискивалась морда твари.

Это был прыгун – огромный, безглазый уродец с кожистой черепной коробкой и полуметровыми серповидными когтями на лапах. Зверь чуял кровь, его челюсти щелкали в полуметре от головы раненого.

Михаил Степанович не закричал.

Заливая ступени собственной кровью, старый прапорщик уперся здоровой ногой в стену, с нечеловеческим усилием рванул на себя тяжелый аварийный трос тросового привода люка.

Стальная полуторадюймовая крышка сорвалась со стопора и с грохотом гильотины обрушилась вниз, перерубив лапу лезущего мутанта по самый сустав. Сверху донесся глухой удар отсеченного тела и истошный вой искалеченной твари, закружившейся на мерзлой крыше.

Юрий и Василий подхватили отца под мышки, втащили в тепло каземата и намертво забили тяжелый лиственничный брус в скобы.

Они положили его прямо на верстак в мастерской.

Василий трясущимися руками рвал индивидуальные перевязочные пакеты, прижимал бинты к разорванному паху отца, но марля мгновенно намокала, превращаясь в тяжелую алую жижу. Парень плакал навзрыд, размазывая кровь и слезы по лицу:

— Батя... батенька, не смей... Держись, слышишь?! Юрка, тащи промедол! Всю коробку неси!

Михаил Степанович медленно, преодолевая накатывающее оцепенение, поднял окровавленную ладонь и накрыл пальцы сына, судорожно стискивавшие шприц-тюбик:

— Не... смей... — прохрипел он, и кровавая пена выступила на его потрескавшихся губах. — Не трать... ампулы, дурак... Артерия... ушла. Береги... промедол... Вам... на выход... понадобится...

Он повернул тяжелеющую голову к Юрию. Взгляд старого служаки был ясным, смертно трезвым. Он вцепился слабеющими пальцами в воротник олимпийки юноши, притянул его к себе:

— Юрка... Ты умный... И добрый... Клянись мне, что дурака этого не бросишь. Он у меня... горячий. Сгинет... Держи его за шкуру, Юрка. Как я тебя сейчас держу.

— Клянусь, дядь Миш, — пересохшими губами выговорил Юрий, чувствуя, как горячая кровь прапорщика прожигает ткань на его груди.

— Клянись...

— Клянусь, дядя Миша. Своей жизнью клянусь.

Прапорщик шумно, со свистом втянул в разорванную грудь воздух, разжал пальцы и посмотрел на плачущего сына:

— Службу... сдал... рядовой Кремнёв... Живите...

Его голова запрокинулась на промасленную ветошь верстака. Сознание покинуло его. Сердце еще продолжало тихо и едва видимо биться, но уже ничто не смогло бы разбудить Михаила Степановича.

И когда под утро нужно было решать, что делать дальше с покойным, семнадцатилетний Василий не вставал с колен, продолжая тихо скулить у тела отца. Он дал себе зарок, когда придет час – он не будет прятаться за спинами других, а сам станет тем, кто заслонит собой опасность.

Теперь их тени незримо стояли за спинами Юрия и Василия. Каждая гильза, каждый сухарь, каждая прочитанная строка, каждый вдох очищенного воздуха были оплачены жизнями отцов.

— Патронов к гладкому почти нет, — Василий сидел у верстака, выщелкивая из магазинов «Сайги» и своего «Вепря» последние тяжелые патроны с картечью. На замасленном сукне лежало всего двенадцать штук. — Если завтра в музее Перовского нас прижмут – отмахиваться нечем будет. Из «Вепря» в тесных коридорах не больно поразворачиваешься, там ствол длинный, пока мыкаться будем, нас до смерти замыкают.

Юрий подошел к карте города, приколотой кнопками к щиту из фанеры. Палец скользнул по линии Паркового проспекта, перешел на перекресток с Постникова и замер на крупном пятиугольном контуре с башенкой:

— Тогда нам нужно в Караван-Сарай. Этот день рано или поздно должен был прийти.

Василий поднял голову от стола, в его глазах мелькнула тревога:

— Ты в своем уме? Там же блокпост ополчения стоял. В первую зиму, когда зараза из поймы пошла, сводный отряд комендатуры и пара взводов из ППС забаррикадировались в главном корпусе. Ладно отец тогда решил домой вернуться вовремя. Их там всех пожрали.

— У нас просто нет других вариантов. Нам придется идти туда. Иначе через месяц-другой мы с мутантами будем дубинками и копьями драться, а еще нам нужно планировать, как до краеведческого музея пойдем, поэтому, думаю, вопрос решенный, — Юрий отвернулся и хотел было идти на выход из оружейной.

Василий с грохотом бросил шомпол на верстак, шагнул к Юрию и вцепился в его рукав, понизив голос до ядовитого шепота:

— Да и черт бы с ним, с Караван-Сараем и патронами этими. Сходим! Ты мне скажи, как ты к музею этому подходить собрался? Ты батины рассказы забыл, что ли? Про ротонду в сквере, где малый Ленин?

Юрий нахмурился, не отрывая взгляда от карты:

— Я твоего отца безмерно уважаю, но мы должны. Если мы не добудем чертежи и эту книжку для Игумена – сгнем в этом же подвале.

В глазах Василия мелькнул злой, неподдельный страх. — Я тебе напомним тогда, чтобы башка заработала и ты понял, с чем мы связываемся. Батя сам в составе сводной группы комендатуры туда в январе двадцать четвертого ходил. Они взвод патрульно-постовой службы искали, который в районе лицея математического на Советской сгинул. Нашли... прямо в классической беседке-ротонде. Мороз сорок градусов, а они там сидят. Семеро здоровых мужиков в полном боевом. Сидят кружком на кованых скамьях, руки на коленях сложены, спины прямые, как по струнке. И улыбаются.

Василий сглотнул, лицо его посерело от воспоминаний:

— Батя подошел ближе... думал, замерзли на посту. Тронул одного за плечо – а оно не гнется. Твердое, как дерево. На них форма милицейская была надета поверх старинных казачьих бешметов, лица наглухо пчелиным воском залиты и пудрой выбелены, а веки суровыми нитками к бровям пришиты, чтобы глаза не закрывались. Ни кровинки вокруг, Юра! Ни единой гильзы! В руках у каждого – кремнёвый карабин петровских времен из музейного фонда, примотанный проволокой к пальцам. А на груди у старлея – пакет с сургучной печатью генерал-губернатора: *«Господа офицеры отдельного Оренбургского корпуса зачислены на довольствие в гарнизон при моей резиденции Губернской бессрочно»*. И место, откуда могли взяться такие антикварные причуды, одно только – дом музей Краеведческий, куда мы с тобой идти собираемся! А там шизик какой-то сидит, что семерых вооруженных мужиков в чучела превратил!

Василий заглянул Юрию прямо в глаза:

— Тот, кто сидит в особняке Перовского, людей не ест, Юра. Он с ними играет. Он их заживо в куклы перекраивает. Ты к нему за чертежами идти собрался?!

Юрий решил сбавить градус накалившейся в комнате напряженности, — Пока давай решим с Караван-Сараем. Если мы не добудем хотя бы полсотни патронов, в музей идти в

любом случае будет бессмысленно. Там же соберем фильтров для противогазов, и посмотрим, что еще можно будет с собой утащить.

Василий помолчал, сжимая в кулаке латунную гильзу:

— Даша знает? Ты ей уже говорил о наших планах?

— Даше незачем знать. Она третьи сутки из своего закутка не выходит, чертит свои фасады. Скажем, что пошли проверить капкан на теплотрассе. Выходим через сорок минут. Пока пурга не поднялась.

Путь до Караван-Сарая занял меньше часа, но этот час стоил десятка суток подземной жизни.

Город за порогом Цейхгауза лежал в мертвом, звенящем оцепенении. Мороз перевалил за тридцать пять градусов: воздух был сухим, ломким, с явственным привкусом озона и серного ангидрида, сносимого ветром с руин завода «Стрела».

Они двигались короткими перебежками вдоль фасадов еще имперских зданий по правой стороне в сторону центра. Снег под подошвами снегоступов скрипел сухо, с металлическим лязгом.

Караван-Сарай — уникальный историко-архитектурный комплекс, возведенный на рубеже 30-х и 40-х годов девятнадцатого века по проекту Брюллова для размещения Башкиро-мещеряцкого казачьего войска. Здание выросло перед ними из снежной пелены подобно призрачной цитадели хана.

Основной корпус в мавританском стиле с высокими стрельчатыми арками и восьмиугольной мечетью в центре двора был обнесен чугунной оградой, наполовину занесенной черными сугробами. Минарет высотой почти сорок метров вздымался в свинцовое небо, покрытый ледяной коркой, на которой трепетали обрывки рваных маскировочных сетей.

Охотники пролезли сквозь выломанные прутья ворот и замерли в тени парадного портика мечети.

Здесь пахло смертью. Старой, вымороженной, не оставившей после себя гнилостного смрада — лишь металлический запах пороховой гари, мерзлой сукровицы и брошенного войскового имущества.

Перед входом в главное здание темнел блокпост: баррикада из мешков с песком, превратившихся в ледяные монолиты, остов сгоревшей штабной «буханки» УАЗ и станковый пулемет «Утес» на треноге, с заклинившей лентой, торчащей из ствольной коробки. Рядом, привалившись к броневику, сидел часовой в истлевшем камуфляже «город» и каске «Сфера». Из-под забрала торчал желтый череп с оскаленными зубами, а в костяшках пальцев правой руки все еще была зажата чека от неразорвавшейся гранаты Ф-1.

— Не трогай его, — шепнул Юрий, перехватывая «Сайгу». — Там растяжка может быть под подошвой. Иди за мной, след в след.

Они поднялись по широким ступеням мечети. Двустворчатые дубовые двери были распахнуты настежь, одна створка держалась на нижней петле, перекошенная взрывом направленного фугаса.

Внутри царил полумрак.

Огромный восьмигранный зал мечети под высоким куполом утопал в холодной синеве. Сквозь стрельчатые окна верхнего яруса падали косые лучи блеклого света, в которых кружилась мелкая ледяная пыль. Когда-то пол здесь был устлан дорогами персидскими коврами, а по стенам тянулись витиеватые арабские письма с цитатами из Корана.

Теперь зал превратился в склеп ополченцев.

В центре стояли армейские двухъярусные койки без матрасов, штабеля снарядных ящиков, перевернутые полевые кухни и радиостанция Р-140 на колесном шасси с разбитыми изме-

рительными приборами. Повсюду – на полу, в проходах, между станинами пулеметов – лежали тела.

Их было не меньше тридцати. Бойцы батальона внутренних войск и милиционеры Оренбурга приняли свой последний бой прямо здесь, под куполом исламской святыни. Но самое жуткое заключалось в том, как они погибли.

Юрий подошел к ближайшей группе тел у колонны, включил фонарь и присел на корточки.

— Вася, глянь...

Василий подошел, нагнулся и почувствовал, как к горлу подступает ком.

Люди были разорваны в клочья. На их телах не было живого места. По сторонам то тут, то там валялись полуобглоданные конечности. Стены были вымазаны кровью. Вокруг кучами было свалено зверье. Можно было только догадываться, как долго пришлось держать оборону людям в этой древней, почти как сам город, крепости. На удивление, уцелевшие хищники не стали жрать павших сородичей, предпочтя вдоволь полакомиться человечиною. Было удивительно, почему еще осталось так много тел. Видимо, думал про себя Юрий, защитникам Караван-Сарая удалось вселить страх в сердца врагов настолько, что этот ужас до сих пор заставляет их дважды подумать, перед тем как соваться сюда ради пары подранных кусков мяса.

Юрий посветил на лицо ближайшего ополченца – молодого парня лет двадцати с сержантскими лычками на погонах. Кожа на его щеках еще при жизни начала лопаться, выпущенная наружу бугристые серые наросты, а из-под ногтей пробивались тонкие роговые пластины. Видимо, вирус в закрытом, отапливаемом буржуйками зале мечети начал медленно, но верно жрать несчастных изнутри. Может быть, смерть в битве с новыми хозяевами города стала спасением по сравнению с тем, что могло их ждать, не прими они такую страшную, но благородную смерть.

Юрий, сам того не осознавая, проверил плотность прилегания резины к лицу, — Не стой столбом, — глухо сказал он, поднимаясь на ноги. — Ищи оружие. Она должна быть за михрабом, в служебных комнатах духовенства. Я бы спрятал оружие там.

Оружейная комната комендатуры нашлась в полуподвальном переходе под минаретом.

Стальная решетчатая дверь была заперта, но замок вырвали еще до гибели гарнизона: Юрий налег плечом, железо подалось с тяжелым стоном.

Внутри на металлических стеллажах лежало то, ради чего стоило рисковать жизнью.

Охотники работали споро, в четыре руки, задыхаясь от тяжести и азарта:

— Два запаянных цинка с патронами! — Василий вытащил из-под брезента тяжелые металлические коробки с выбитой маркировкой: «Картечь 8.5 мм». — В заводской герметизации, сухие как порох!

— Бери оба, — командовал Юрий, запихивая в ранец картонные пачки с пулевыми патронами «Гуаланди» и три запасных фильтра к противогазам в заводской запайке. — Вон там, на верстаке – баллон оружейного масла «Беркут» и шомпола. Забирай. И гранаты проверь.

В углу под деревянным топчаном нашлись четыре армейские наступательные гранаты РГН с ударно-дистанционными запалами УДО и две дымовые шашки РДГ-2Б. Это был золотой запас, который увеличивал их шансы на выживание в музее втрое.

Они уже затягивали клапаны перегруженных ранцев, когда сверху, из центрального зала мечети, донесся звук.

Шлеп... Шлеп... Цок...

Словно мягкие, тяжелые подушечки лап ступали по мерзлому паркету, осторожно обходя тела мертвых ополченцев.

Юрий мгновенно выключил фонарь, прижав ладонь к плечу Василия. Они замерли во мраке оружейного закутка, вжавшись спинами в холодную кирпичную кладку фундамента минарета.

Звук приближался.

Существо вошло в полуподвальный коридор. Пахло не крысами. Пахло псиной, сырым подростком и застарелой падалью.

В узкий луч лунного света, падавшего сквозь вентиляционную отдушину под потолком, вступила тень.

Это была особь то ли собаки, то ли волка – передовой разведчик стаи. Мутация сделала зверя похожим на помесь гиены и медведя: короткая мощная шея, покатая спина с торчащими позвонками, уши, превратившиеся в кожистые улавливатели звука, и абсолютно гладкая, натянутая пергаментной кожей морда без глазниц. Тварь вела носом у пола, безошибочно читая свежие следы человеческого пота и пороха, оставленные охотниками.

Она замерла в пяти метрах от дверного проема оружейки, приподняв верхнюю губу и обнажая черные десны с частокотом кривых желтых зубов. Из ее горла вырвался низкий, вибрирующий рык – сигнал остальной стае, рыскавшей во дворе Караван-Сарая.

Времени на раздумья не оставалось.

Юрий шагнул из темноты без звука. В его левой руке блеснул тяжелый охотничий тесак.

Зверь среагировал мгновенно, метнувшись вперед с раскрытой пастью, но Юрий не стал стрелять – грохот выстрела под куполом созвал бы всех падальщиков слободы. Он резко ушел влево, пропуская стокилограммовую тушу мимо себя, и всем весом навалился сверху, вогнав тридцатисантиметровый клинок точно в основание черепа твари, между первым шейным позвонком и затылочной костью.

Клинок хрустнул в сочленении.

Волк дернулся всем телом, выпрямил лапы в предсмертной судороге и тяжело рухнул на кучу ветоши, судорожно скребя когтями по бетону. Из раны толчками полилась густая, темная кровь, пахнувшая железом и тинной.

Юрий провернул лезвие, выдернул сталь и вытер клинок о загривок поверженного хищника:

— Пусть это будет уроком для всех, кто еще посмеет позариться на тела погибших. Жаль, что мы не можем по-человечески похоронить их.

— Уверен, они попали в лучший мир, — вздохнул Василий, направляясь к выходу. — Неважно, куда конкретно направит их Господь, и чей он будет – наш или их. — Говоря это, он окинул свободной от оружия рукой зал мечети, — Всяко лучше, чем в нашем чистилище.

Юрий не стал отвечать другу, слова здесь были излишни. Они вышли через узкую служебную дверь звонницы в метель, растворяясь в белом вихре занесенных снегом оренбургских дворов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.